

БИОГРАФИИ БОЖЬИХ ГЕНЕРАЛОВ

Эмми

История жизни Эмми Симпл Макферсон

ЭММИ СИМПЛ МАКФЕРСОН

Библейский взгляд

Санкт-Петербург

2022

Originally published in English under the title:

AIMEE

by Aimee Semple McPherson

© 1979 by Foursquare Publications

Эмми Симпл Макферсон

Эмми / Пер. с англ. — СПб.: МРО ХВЕ «Христианская Миссия», 2022. — 320 с., илл.

ISBN 978-5-8445-0388-7

© Издание на русском языке. Издательство «Библейский взгляд», 1999

Ответственный редактор *А. И. Шапошников*

Переводчик *М. В. Куренная*

Редактор *В. С. Волкова*

Корректоры: *В. С. Волкова, Н. А. Акинина*

Компьютерная верстка: *А. Б. Кодак*

Подписано к печати 10.07.2022. Формат 60×88¹/₁₆.

Объем 20 печ. л. Доп. тираж 200 экз.

Местная Религиозная Организация Христиан

Веры Евангельской «Христианская Миссия»

190020, г. Санкт-Петербург, Нарвский пр., д. 13-б, ауд. 132

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции

ОК 005-93. Код ОКП 953140

Отпечатано в ПАО «Т 8 Издательские Технологии» (ПАО «Т 8»)

г. Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
1. Калейдоскоп детства	8
2. Школьные годы	15
3. Заново рожденная	25
4. Молодожены	37
5. Вперед, на поле служения	48
6. Китай	64
7. Не у дел	84
8. Может ли женщина проповедовать?	93
9. Вдоль Атлантического побережья	109
10. Здравствуй, Калифорния!	128
11. Окленд, штат Калифорния, и Австралия	138
12. Дом, посвященный Богу	148

13. Храм Ангелов — первые годы	159
14. Похищение	171
15. Это было на самом деле	207
16. Современный Вавилон разрушен!	239
17. В средоточии Божьей воли	279
18. Любовь и вера	292
19. Америка, пробудись!	301
20. Вечное пробуждение	307
21. Вокруг света с Четырехугольным Евангелием	313
<i>Этилог</i>	319

Предисловие

Незадолго до своей смерти в сентябре 1944 года Эмми Симпл Макферсон начала писать новую автобиографию. Ее предыдущие книги автобиографического характера — «Это есть то» и «В служении Царю» — заканчивались соответственно открытием Храма Ангелов и оправданием после расследования дела о похищении.

Рукопись, положенная в основу данной книги, более двадцати лет оставалась в архивах сестры Макферсон незамеченной. Когда о существовании рукописи стало известно Комитету по наследству Международной церкви Четырехугольного Евангелия, председатель комитета преподобный Чарльз Дуарте был уполномочен заключить с автором этих строк контракт, обязывающий последнего закончить рукопись. В письме от 24 февраля 1969 года преподобный Дуарте писал: «Нам нужен человек, который смог бы закончить жизнеописание, сохранив стиль сестры Макферсон; человек, который лично знал ее».

Мы планировали закончить автобиографию, основываясь на собственных рассказах сестры Макферсон о различных эпизодах ее жизни, которые содержались в проповедях, статьях и документах — как опубликованных, так и нет, — имевшихся в нашем распоряжении. Дав согласие на эту работу, я не представлял, какой огромный объем материала — многие тысячи страниц и миллионы слов — подлежит внимательному изучению. Было необходимо прочитать все подшивки газет с публикациями сестры с 1917 года и груды фотокопий и газетных вырезок, так или иначе отражающих ее жизнь. Несколько секретарей в течение многих недель снимали фотокопии со всех стенограмм проповедей, хранящихся в архиве Международной церкви Четырехугольного Евангелия,

в которых содержались упоминания сестры о событиях личной жизни. Были изучены бесчисленные комментарии к проповедям, проливающие свет на различные эпизоды ее жизни, а равно десятки относящихся к делу документов, многие из которых были предоставлены лично доктором Рольфом К. Макферсоном.

История, предлагаемая вниманию читателей, — это история, рассказанная самой сестрой, по возможности собственными ее словами, тщательно подобранными из многочисленных записей, касающихся тех событий ее жизни, о которых она не успела рассказать в рукописи, оставшейся незаконченной к моменту ее смерти. Множество сведений об интересных происшествиях и различных эпизодах я оставил за пределами этой книги, которая в противном случае стала бы излишне длинной, а в том, что касается описаний собраний пробуждения, изобиловала бы повторениями.

В последние годы появилось множество жизнеописаний, искажающих облик Эмми Симпл Макферсон, которые написаны почти полностью на основании недоброжелательных публикаций в прессе и свидетельств ее противников. Поэтому я попросил позволения привести в данном предисловии отрывок из письма доктора Рольфа Макферсона, сына сестры Макферсон, в котором он комментирует сделанное в одной из публикаций заявление, что его мать была «легко возбудимой женщиной», подверженной «неудержимым приступам гнева». Доктор Макферсон писал:

«Я совершенно не представляю, каким образом у кого-либо могло сложиться подобное впечатление, ибо безусловно все люди, знавшие маму, глубоко восхищались ее уравновешенностью и умением сохранять спокойствие в любой ситуации. Я никогда в жизни не видел, чтобы она так или иначе вышла из себя, а с нами, своими детьми, она всегда умела обращаться дипломатично, не прибегая к наказаниям какого-либо рода. Я просто не верю, что найдется хотя бы один свидетель, могущий утверждать, что видел маму в “безудержном приступе гнева”. За все годы своего служения она ни разу не ответила на недоброжелательные выпады».

Секрет служения сестры Макферсон заключался в ее уникальной способности под помазанием Святого Духа сделать Христа реальным для своих слушателей — столь реальным, что прихожане ощущали Его чудесное присутствие рядом не в качестве отвлеченной идеи, но в качестве любящего близкого друга. Самым страстным ее желанием было возвеличить Христа, чтобы все люди повлеклись к Нему. С молитвой о том, чтобы эта история жизни сестры Макферсон должным образом восславила Иисуса Христа, показав, какие деяния Он может свершить через Свою смиренную служительницу, представляю эту книгу вниманию читателя.

Реймонд Л. Кокс

1

Калейдоскоп детства

— Ты хочешь погубить ее?

— Конечно нет!

— Так попомни мои слова: если ты вынесешь малышку на мороз, она умрет от воспаления легких!

— Ей будет тепло.

— Ты только посмотри в окно.

— Я часами только этим и занимаюсь.

— На улице ноль градусов и идет снег.

На щеках юной матери, отвечавшей таким образом пожилой женщине, выступили красные пятна — темно-красные, как пионы, что недавно цвели в саду. Взгляд сверкающих карих глаз выражал твердую решимость. Она мягко прикрыла дверцу печи, подхватила ворох детских одеялец, которые нагревались рядом на стуле, и подошла к столу, покрытому красной клетчатой скатертью. Она принялась аккуратно расстилать одеяльца на столе: сначала самое толстое, потом потоньше, потом еще потоньше и так далее вплоть до последней мягкой пеленки розового цвета.

На кухне, залитой мягким светом подвесной керосиновой лампы, было тепло и уютно. Но снаружи в воздухе весело плясали огромные снежинки и прилипали к оконному стеклу, словно любопытные белые звезды.

— Тут всего пять миль, — сказала молодая женщина. Она положила на стол крохотного младенца, сучащего ручками и ножками, и принялась заворачивать его в одно одеяло за другим.

— Боже мой! Малышке всего три недели! Какая ей сейчас будет польза от богослужения?

— В Библии говорится: «Учи ребенка тому, что должно делать, и когда он вырастет, он не отступит от этого». И мне кажется, что учение не может начинаться слишком рано. Я хочу, чтобы она привыкла к церковным гимнам, музыке и общей атмосфере служения с самого раннего детства.

Из конюшни вывели Флосси, с дымящейся спины кобылы сняли прорезиненную попону и аккуратно постелили на меховую полость саней. При свете фонаря Мария размотала поводья и зажала их в правой руке, левой же рукой она крепко прижимала к груди маленькую дочь.

Мы добрались до невзрачного на вид молитвенного дома, из узких окон которого лился радостный свет. Внутри на грубых деревянных скамьях сидела группа простых честных людей. Играла группа музыкантов в форменной одежде. Мать пронесла меня по проходу к передней скамье, возле которой в медной печке весело потрескивали раскаленные угли. Звенели бубны. Я проснулась и с энтузиазмом подхватила припев.

Конечно, я ничего этого не помню, но из достоверного источника знаю, что по возвращении на ферму в тот вечер мать с гордостью заверила встревоженных домочадцев: «Что ж, любой скажет вам, что она будет евангелисткой! Видели бы вы, как она участвовала в служении и подпевала хору сегодня!»

Таким образом вышло, что в возрасте шести недель я была посвящена христианскому служению в ходе торжественной и впечатляющей церемонии, на которой задавали самые серьезные вопросы. По самым ранним моим воспоминаниям, меня убаюкивали чтением Библии. Как следствие, уже на четвертом году жизни я во время собрания могла забраться на стул или барабан в углу и пересказать практически любую историю из Библии с такой же легкостью, с какой соседский ребенок лопотал: «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять».

В раннем детстве самым радостным общественным мероприятием было для меня посещение воскресной школы. Одним субботним утром на школьной доске под словами «Ты, Господи, видишь меня» появилось изображение огромного глаза. Этот глаз вызывал у меня чувство некоторого беспокойства. Куда бы я ни

подвинулась, он с мрачным упорством следил за мной. Сознание, что каждую мою самую незначительную мысль и каждый поступок Бог точно так же постоянно видит и оценивает, наполнило меня смутной тревогой.

— Мама, — осмелилась спросить я, когда мы тряслись по деревенской дороге в коляске, запряженной гнедой кобылой, — а Бог видит меня сейчас?

— Да, дорогая. А что?

— Даже через крышу коляски?

— Угу.

— А сейчас Он видит меня? — громко спросила я позже из-под железной кухонной плиты.

— Везде и повсюду, дорогая.

— Спасибо, — подавленно сказала я и спустилась в подвал — вырезать из картофельных клубней молодые ростки для посадки. Я трудилась с истинно религиозным усердием, ибо разве не следило за мной неустанно Всевидящее Око?

Накануне выборов мне исполнялось пять лет. Все, кроме отца и меня, уехали в город.

— Эмми! — позвал отец.

— Что, папа?

— Сегодня ко мне зайдут мэр Ингерсолла и несколько членов совета. Я хочу выглядеть на все сто. Как ты полагаешь, ты уже достаточно взрослая для того, чтобы помыть мне голову?

— Мне почти пять лет! — с негодованием воскликнула я.

— Отлично, отлично! — успокаивающим тоном произнес он. — Тогда принимайся за дело!

Я растопила снег в чайнике, чтобы получить теплую воду для мытья. Из бака набрала в кувшин воды для ополаскивания и выудила оттуда всех головастика. Я дала отцу полотенце, чтобы защищать глаза от мыла, и сказала: «Наклонись и прижми его к глазам крепче». В течение нескольких долгих минут я мылила и терла кудрявую голову и бороду, которые так любила.

— Как жаль, что волосы у людей сначала желтеют и только потом становятся действительно белыми, — посетовала я.

— Ничего, они побелеют довольно скоро! — невнятно произнес отец, отплеывая мыльную пену.

— Знаю, но сегодня такой важный день!

И тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я видела, как тетя Элизабет отбеливала желтое белье с помощью синьки. Почему бы не попробовать это средство на папиных волосах? Я подбежала к кухонному шкафчику, взобралась на высокую эмалированную табуретку и взяла с полки большую бутылку с надписью «Индиго». Откупорив бутылку, я вылила половину ее содержимого на сложенную над тазом голову.

Я бы с удовольствием использовала и всю синьку, но меня испугал странный цвет, который приобрела папина шевелюра. Заткнув бутылку пробкой, я поставила ее на пол и принялась яростно намыливать волосы. Но — о, ужас! — они не отмывались. Жидкая краска текла по кудрям, бороде, усам...

Бедный папа! Он выглядел точь-в-точь, как Синяя Борода из детской книжки с картинками, которую сам тайком принес мне в комнату. Стараясь говорить спокойным голосом, я сказала: «Следи, чтобы мыло не попало тебе в глаза!»

— Слежу.

— Не открывай их.

— Лады.

Я просто из кожи вон лезла. После того, как я намылила и сполоснула волосы в четвертый или пятый раз, папа выпрямился и, не отрывая полотенца от глаз, прогремел:

— Послушай, юная леди, сколько же, по-твоему, на мне грязи?

— Еще чуть-чуть! — заискивающе пропищала я.

Краска упрямо не желала отмываться. И в этот момент прибыл мэр.

— Эй, Джим, вы дома? — раздался голос с подъездной дороги.

— Все, отпускай меня! — воскликнул отец, подсакивая на месте и отбрасывая в сторону полотенце. — Ну же, дай мне сухое полотенце... Быстрее! — Энергично вытирая голову, он крикнул: «Уже иду!»

Потом, не подозревая ничего дурного, папа причесал пятерней свои синие кудри, пригладил бирюзовую бороду и торопливо вышел из кухни.

Подгоняемая страхом, я бросилась к зеркалу и развернула его к стене. В этот самый миг со двора послышалось изумленное «О-о-о!» Я метнулась обратно в угол и застыла там ни жива, ни мертва от ужаса. Дверь распахнулась, и в кухню ворвался папа. Он подскочил к зеркалу, перевернул его, отшатнулся, потрясенный увиденным, а затем медленно приблизился ко мне.

Рассказывать эту историю дальше слишком больно! Достаточно упомянуть, что в тот же день папа отправился в город и сбрил в парикмахерской волосы, бороду и усы. Но даже после этого щетина его оставалась синей. Хор методистской церкви на ближайший месяц остался без своего руководителя, а я впала в немилость.

Этот случай произвел такое неизгладимое впечатление на мой ум, что во все последующие годы я обычно вспоминала его, когда хотела вернуть надежду отчаявшимся людям: «Пусть никакая земная сила не может удалить пятна, оставленные легкомыслием и грехом, но источник, открытый в доме Давидовом, может вернуть им белизну, подобную белизне свежеснеженного снега».

Иногда я встречаю подростков, которые бездумно заигрывают с искушением. «Я просто зритель, а не участник!» — объясняют они. Чтобы вооружиться для борьбы с подобным заблуждением, я мысленно возвращаюсь в годы своего отрочества.

Однажды тетя Элизабет напекла кучу пирожков. Она дала мне шесть и удалилась вздремнуть, предупредив: «До ужина тебе больше не полагается!»

Некоторое время я сидела на заднем крыльце и играла с тринадцатью котятками, которых мои страстные мольбы спасли от утопления. Наконец они стали засыпать. Я же бодрствовала. «М-м-м! А пирожки были такими вкусными! — облизнулась я. — Пойду-ка я в кладовую и взгляну на большую кастрюлю, в которой они лежат».

Кастрюля стояла на самой верхней полке. Я решила добраться до полки и взглянуть на пирожки, чтобы лучше закрепить в памяти вид восхитительного лакомства. Мимо больших бидонов с жирным молоком, корзин с яйцами, жестянок с мукой, сахаром, сахарной пудрой, кукурузной мукой, мимо бутылок с маслом

и лярдом, банок со смородиной, изюмом и пряностями, мимо головок сыра и коробок с зефиром прокладывала я свой путь наверх. Для равновесия широко расставив ноги между брусками мыла и бутылками с уксусом, я вцепилась в край полки, на которой стояла кастрюля, и приподняла крышку, чтобы насладиться чудесным зрелищем пирожков, облитых кленовым сиропом.

— Почему бы тебе не взять на минутку один из них в руку? — прошептал искушитель. — Тебе вовсе не обязательно есть его.

— Пожалуй, я так и сделаю, — решила я.

Но едва я засунула руку в кастрюлю, как произошло нечто ужасное! Должно быть, крючья, на которых держались полки, выскочили из пазов. Во всяком случае с диким грохотом рухнули на пол пирожки, сыр, сахар, мука, крупа, мамалыга, бекон, яйца — и девочка! Оглушенная, я сидела на полу, подобрав колени и обхватив руками свою бедную голову. Тут в кладовую вошел отец с березовым прутом в руке и принялся за работу. Я никогда прежде не видела, чтобы человек так быстро взбил тесто до состояния полной готовности. Но ведь все ингредиенты были у него под рукой!

Как любой непоседливый подросток, я постоянно попадала в различные перипетии и неприятности. После подобных прегрешений, оскорбляющих достоинство моих домочадцев, меня обычно изгоняли в мою комнату и обещали каждые полчаса задавать мне взбучку. Эти наказания были мне очень хорошо знакомы. То были не легкие шлепки любящей рукой, и родители никогда не останавливались до тех пор, пока на мне живого места не оставалось.

Страшнее всего было ждать, когда послышатся шаги на лестнице, откроется дверь и в воздухе свистнет прут. Однажды в аналогичной ситуации я стояла посреди комнаты и судорожно придумывала способ спастись. Ни на одно земное средство рассчитывать не приходилось. Поскольку я твердо верила в возможность заступничества небесных сил, мне в голову пришла мысль о молитве. Упав на колени возле своей постели, я начала громко и горячо молиться: «О Боже, не допусти, чтобы мама высекла меня! О Боже, милый, добрый, хороший Боже, не допусти, чтобы мама наказала меня!»

В этот миг дверь открылась. Я знала, что в дверном проеме стоит моя мать как грозное воплощение справедливости. Но небеса еще могли откликнуться на мою мольбу. Я продолжала жалобно стенать, крепко зажмурив глаза и стиснув руки: «О Боже, не допусти, чтобы мама высекла меня!»

Бедняжка! Вероятно, она оказалась в затруднительном положении. Несомненно я заслуживала порки, но, с другой стороны, не рухнет ли моя вера в молитву, коль скоро я все-таки получу наказание? «О Боже...»

Я услышала за спиной сдавленный смешок и открыла глаза.

— Отец только что принес из леса белую сову, — сказала мама. — Она на кухне, сидит на спинке стула. Пожалуй, тебе стоит спуститься и взглянуть на нее.

— Спасибо тебе, Боже! — выдохнула я и бросилась вон из комнаты, чтобы скатиться вниз по перилам. Этот урок научил меня тому, что и самый отъявленный грешник может снискать прощение — на коленях, в страстной молитве.

2

Школьные годы

— Ты готова? — крикнул отец снизу в дымоход, который шел мимо моей комнаты. То был первый день моих школьных занятий.

— Готова, — откликнулась я с лестничной площадки.

— Ты выучила буквы, юная леди? — спросил он, когда Флосси неторопливо трусила по деревенской дороге.

— Нет.

— Ты должна выучить по крайней мере первые три.

— Научи меня.

— Буква домик, буква крендель, буква крюк.

— Интересно, смогу ли я запомнить их?

— Просто повтори их несколько раз.

— Буква домик, буква крендель, буква крюк. Буква домик, буква крендель, буква крюк. Буква домик, буква крендель, буква крюк.

В должное время я стояла перед суровой преподавательницей английского в ряду новобранцев.

— Как тебя зовут, девочка?

— Эмми Элизабет.

— И много ли ты уже знаешь?

— Я знаю первые три буквы алфавита.

— И можешь назвать их?

— Конечно. Буква домик, буква крендель, буква крюк.

Взрыв хохота потряс школу, а я в результате осталась сидеть на высоком табурете возле покрытого красной скатертью стола в высоком бумажном колпаке* — растерянная и недоумевающая. Но на перемене я восстановила свою репутацию.

* Такой колпак надевали нерадивому ученику в виде наказания. — *Прим. перев.*

— Армия спасения! Армия спасения! — ехидно распевали мальчишки, прыгая вокруг меня.

— А вы умеете играть в Армию спасения? — спросила я.

— Нет! — насмешливо фыркнули они.

— Притащите вон ту коробку из-под сыра — это будет барабан, найдите барабанные палочки к нему и принесите вон то удилище — это будет древко знамени! — приказала я. — А я раздобуду красную скатерть на знамя.

Толстяк Пек нес знамя. Я была в барабан и выступала впереди с песней «Враг, спасайся, я иду...»

Шествие имело огромный успех. Мы прошли вокруг школы, дровяного сарая и конюшни, распевая: «Дьявол проиграет битву, мы сразим его молитвой». Сначала девочки с презрительным видом стояли в стороне, но под конец не выдержали и пристроились в хвосте, соорудив береты из шарфиков и вооружившись дощечками вместо бубнов.

Обучение в средней школе, даже в городке с населением в пять тысяч жителей, для деревенской девчонки сопряжено с определенными трудностями. Чередуя лошадь с велосипедом, легкую коляску с саними, она переходит из класса в класс.

— Смотри, что у меня есть! — окликнула я отца однажды вечером. — Красиво отпечатанное официальное приглашение на школьный бал!

— Но, дорогая моя, ты не можешь пойти на него, — вмешалась мама.

— Почему?

— Потому что ты методистка, а методисты не ходят на танцы.

(Конечно, все это случилось много лет назад. Правила и нормы поведения заметно изменились с тех пор.)

— Все родители разрешили своим детям пойти! — жалобно заявила я. — Можно мне тоже?

— Нет, — подал голос отец.

— Не будьте такими старомодными.

— Еще раз повторяю: нет!

Но в конце концов родители смягчились. Они всегда сдавались, если я достаточно долго и упорно повторяла свой текст.

В новом с иголки платье и бальных туфельках я весело сделала пируэт перед зеркалом и отправилась на бал. Несмотря на все видимые радость и счастье, глубоко в моей душе шевелился червячок сомнения, поскольку я подозревала, что именно в это время во спасение моей души дома устраивается молитвенное собрание. Но после первого вальса я забыла обо всех угрызениях совести. К танцам следовало отнестись со всей серьезностью. Мне достался исключительно хороший партнер, который был не кем иным, как молодым пресвитерианским священником.

С того времени моя жизнь превратилась в маленький шумный вихрь развлечений: танцы, каток, чтение любовных романов и музыка регтайм. Стопку книг на моем столе венчала Элинон Глинн, а Библия лежала в самом низу. Ноты «Мэнди Ли» и прочих модных песенок лежали на новом пианино на самом видном месте. А сборник церковных гимнов отодвигался все дальше и дальше.

В последнем классе мы познакомились с новым учебником. Он назывался «Учебник физической географии для средней школы» и потряс основы моей детской веры. Так называемая наука выступала против мира Божьего, закон эволюции — против Книги Бытие и земные возможности — против чудес. Приведенная в ужас этой ересью, я поймала профессора географии в его лаборатории.

— Могу я поговорить с вами, сэр?

— Да, девочка.

— Меня воспитали в вере, что Библия непогрешима.

— Да. И что же?

— А новый учебник географии резко противоречит библейскому учению. Вы не скажете, чему мне верить?

Глядя на меня с высоты своего роста, возраста и мудрости, профессор добродушно улыбнулся.

— Твоя Библия — замечательное классическое произведение литературы. И как таковое заслуживает пристального внимания и изучения. Но что касается ее научной ценности как раннего исторического документа, она проникнута духом ужасающего фанатизма и абсолютно недостоверна. На смену древним суеве-

риям пришли биологические исследования, на смену вере — небулярная космогоническая теория, а на смену библейскому Адаму, созданному из праха земного, — амеба Дарвина.

— Значит, школьный учебник... — дрожащим голосом начала я.

— Верен! — сказал как отрезал он.

— А... Библия полна лжи?

— Ошибок, — поправил профессор.

У меня было такое чувство, будто земля разверзлась у меня под ногами. Я летела куда-то вниз, вниз, вниз, вниз по черному угольному желобу, и злобные призраки издевательски хихикали вокруг: «Бога нет! Нет рая! Нет ада! Если Библия говорит одну лишь ложь, то грош ей цена! Ну и где же теперь твоя вера? Где твоя вера теперь?»

— В-вы можете рассказать мне п-поподробней о ваших доказательствах? — заикаясь пролепетала я.

Должно быть, выражение моего побелевшего лица глубоко поразило учителя, поскольку он схватил со стола свои бумаги и торопливо сказал:

— Мне нужно идти на урок, но здесь ты найдешь кое-какие справочные материалы. — И он вышел.

Некоторое время я стояла, уставившись на корешки рекомендованных книг, а в скором времени уже штудировала в городской библиотеке Вольтера, Ингерсолла, Пейна и других. Если они правы, значит религия — это просто пародия и фарс. Церковные колокола — пустая насмешка. Мученики Фокса погибли ни за что. Миссионеры — это заблудшие души. Молитва — суеверие, состоящее в бесполезном повторении бессмысленных слов.

С головой, гудящей, как встревоженный улей, я вернулась домой, на ферму, и встретила отца, который поднимался из подвала с большой кастрюлей сливок в руках.

— Откуда ты взял, что Бог существует? — осведомилась я сквозь стиснутые зубы.

— Эмми! Что ты имеешь в виду? — Отец едва не свалился с лестницы обратно в подвал — вместе со сливками и всем прочим.

— То, что говорю, — упорствовала я. — Сколько я себя помню, ты все время с уверенностью говоришь о всевидящем, все-

знающем Отце. Но какие доказательства Его существования есть у тебя? Ты видел Его когда-нибудь? А твой отец или дед видели? Откуда ты знаешь, что все это не выдумка?

— Ты что, с ума сошла? — прогремел отец.

— Не надо кричать! Я просто должна знать.

— А кто сотворил солнца, луны, звезды и кометы?

— В школьных учебниках все это объясняется, папа, — ответила я на основании своих поверхностных научных изысканий. — Когда-то эти тела состояли из молекул, которые притягивались друг к другу под действием силы тяготения. Они пришли в вихревое движение и превратились в газообразную массу. Она стремительно вращалась, и из нее вылетали все небесные тела, включая Землю. Вылетели и Солнце, и Луна, и звезды. — Для пушей выразительности я широко размахивала портфелем в такт словам. — Потом вылетела Земля — вот и все дела!

— Да, вот и все дела. Но Кто же был тот Законодатель, Который создал закон тяготения?

— В учебниках не говорится об этом.

— И кто сотворил человека, если Творца нет?

— О, и это не объясняется.

— Неужели?

— Он просто появился.

— По предопределению или случайно?

— Случайно. Сначала земной шар состоял из раскаленной лавы, потом он стал остывать снаружи, в некоторых местах земная кора опустилась, и там образовались соленые океаны.

— А потом?

— На свет появилась наша прапрапрабабушка.

— И кто же это?

— Амеба. Наверное, ты никогда не слышал о ней, но в современных учебниках ей отводится очень важное место.

— И какова же ее родословная?

— На этот вопрос современные ученые тоже, похоже, не могут ответить толком. Она могла прибыть на Землю на какой-нибудь комете, но, насколько я поняла, наиболее распространенной гипотезой считается гипотеза самозарождения.

- Это новое слово в нашем доме.
- Какое слово?
- Гипотеза.
- В школе мы его употребляем каждый день.
- Ты можешь дать его определение?
- Не вполне.
- Тогда принеси словарь.

С папиной книжной полки, к которой частенько обращались за решением спорных вопросов, был снят словарь Уэбстера, и я прочитала: «Научное предположение, не доказанное, но обладающее некоторой вероятностью; теория, которая может подтвердиться, а может и нет; догадка, допущение».

— Продолжай, — холодно сказал отец. — Расскажи мне поподробней об этом нашем предполагаемом прародителе.

— Это древнейшая, простейшая и низшая форма клеточной жизни, и зародилась она в океане. Амеба такая крохотная, что пятьдесят тысяч амеб одновременно могут пройти в игольное ушко, нисколько не тесня друг друга.

— И она привела в движение тот механизм жизни, благодаря которому впоследствии появились все большие млекопитающие?

— Нас так учат.

— Хм-м! Очевидно, теперь старый детский стишок следует читать так:

Эй, амеба-крошка,
Не печалься ни о чем!
Потерпи немножко,
Скоро станешь ты слоном.

— Папа! Можно посерьезней?!

— Я серьезен, как никогда. Ну и каким же образом наша старушка начала подавать первые признаки жизни?

— Я же сказала тебе — путем самозарождения.

— Твои профессора утверждают, что в наши дни они могут вызвать к жизни что-то из ничего?

— Нет, но они рассчитывают, что их эксперименты в скором времени дадут результаты. Вольтер около тридцати лет наблю-

дал за одной клеткой воды, надеясь увидеть, как в ней зародится жизнь, — но безуспешно.

— Люди обычно выдвигают в качестве неопровержимого доказательства тот факт, что в куске мяса, оставленном на открытом воздухе, заводятся черви, — сказал отец. — Но, насколько я понимаю, Пастер полностью опроверг все эти доводы, помещая мясо в вакуум, в герметически закрытый сосуд.

— Во всяком случае, нас по-прежнему так учат. И, вполне вероятно, в результате появится изрядное количество агностиков, если не атеистов.

— В этой семье никогда не будет агностиков, — последовал суровый ответ. — Завтра ты идешь с нами на вечернее служение.

— Но это невозможно! — вскричала я. — Завтра вечером на катке состоится костюмированный бал. У меня уже есть платье, и меня поставили в первую пару на первый вальс.

— Тогда ты присоединишься к нам с мамой в церкви, как только все закончится. Будь там ровно в девять.

— Слушаюсь, сэр.

Бал-маскарад проводился с размахом. Клоуны и короли, снежные королевы и акробаты, оркестры, веселье, смех, шутки — всего было с избытком. С чувством сожаления я выскользнула из здания катка, сняла коньки и под перезвон бубенчиков и пение посеребренных инеем полозьев погнала Фритци к дверям молитвенного дома. Он был битком набит людьми, и я стояла спиной к стене, внимая призывам проповедника ко мне.

— Приди же! Приди! — призывал он. — Прими решение сегодня же. Возможно, это последняя твоя возможность. Поспеш, пока у тебя еще вся жизнь впереди. Оставь всякие сомнения. Христос ждет твоего ответа. Приди же! Приди к Нему!

В ушах моих все еще звучала веселая музыка маскарада, и призыв этот оставил меня равнодушной. Собрания пробуждения были мне не в новинку. Но вот последнюю песенку, сыгранную на карнавале, я услышала впервые. Я тихонько напевала ее, ожидая, когда выйдут родители.

Взгляд проповедника, казалось, искал меня в толпе. Я несколько напряглась. «Это просто нелепо, — пыталась убедить я себя. — Он обращается вовсе не ко мне!»

— Вы христианка, милая?

Я вздрогнула, когда девушка моего возраста положила руку мне на плечо. Я узнала в ней дочь проповедника. Выпрямившись в полный рост, я высокомерно ответила:

— Нет! Я uczающаяся средней школы!

— А причем здесь это?

— Я изучаю эволюцию.

— И я тоже, — подтвердила она. — Но когда я пишу экзаменационное сочинение на тему «Обезьяна — мой родственник», ум мой отказывается соглашаться с абсурдной теорией и убеждает меня, что Бог, а не обезьяна является моим Отцом.

— Все это слишком сложно для меня, — возразила я.

— Но... эти христиане... как они счастливы!

— Они не истинные христиане!

— Почему? Что вы имеете в виду?

— Одной рукой они дают деньги на строительство церквей и наше обращение в веру, а другой платят налоги, которые идут на то, чтобы превратить нас в атеистов.

— Ах, бедняжка! Подождите меня здесь, сейчас я приведу свою мать.

— Подожду, — ответила я. — Все равно мои родители сидят в первом ряду.

Юная ревнительница веры исчезла в толпе и скоро вновь появилась. В кильватере за ней следовала миловидная женщина. Она несколько минут серьезно беседовала со мной, а затем встревоженно сказала: «Постойте здесь минутку, сейчас я позову мужа».

Я стояла, нервно переминаясь с ноги на ногу, но исполненная решимости не сдавать позиции. На улице валил густой снег, и до моего слуха доносилось тихое беспокойное ржание Фритци. Почему не идут родители? В воздух полились песни пробуждения.

Что ты медлишь, милый брат?
О, примкни к рядам спасенных.
Дать тебе Спаситель рад
Место в сонме посвященных.

Ко мне приблизился проповедник в сопровождении жены и дочери, готовых оказать ему поддержку.

— Ну, и кто тут говорил что-то насчет эволюции? — спросил он.

Вокруг нас начала собираться небольшая толпа. Кровь прилила к моим щекам, когда я поняла, что мне предстоит сражаться один на один. Мои родители стояли в задних рядах с такими же красными лицами. Я мужественно защищала свои позиции, но безуспешно. Похоже, сторонник теории эволюции стоит в лучшем случае на зыбкой почве. Скоро мне пришлось отступить к последней линии обороны.

— Хорошо, — сказала я, — если Библия говорит правду, то почему люди платят большие налоги, которые идут на разрушение нашей веры?

— На этот вопрос я не могу ответить, — сказал мой оппонент.

В тот вечер мы возвращались домой в странном и многозначительном молчании. Тишину нарушал лишь глухой скрип снега под копытами лошади да низкий перезвон колокольчиков. Я украдкой бросила на мать косой взгляд. Лицо ее было непривычно сурово и серьезно, губы плотно сжаты в тонкую прямую полоску. Я повернулась к отцу и замерла, зачарованно глядя, как слезы медленно струятся по его лицу, скатываются на бороду и замерзают там, похожие на кристаллики соли.

Так или иначе, я не особо гордилась сценой, которую разыграла в зале для собраний. Я совершила самый ужасный по моим представлениям грех: глубоко обидела своих ближних. Обижать себя? О да, это я могу делать безнаказанно. Это касается только меня самой. Но обижать других? По моим понятиям это было непростительным преступлением.

В молчании мы перевалили через последний холм. В молчании я вылезла из саней и открыла широкие ворота. В молчании зажгла фонарь и помогла папе распрячь Фритци и запереть сарай. Не произнося ни слова, мы зажгли свет в доме, завели часы, накормили кошек и собаку, заперли входную дверь и разошлись по своим комнатам. Со стороны могло показаться, что все мы с минуты на минуту ожидаем конца света. Я тихо закрылась на ключ в своей комнате, подошла к окну, широко распахнула его

и, не снимая пальто и шапки, опустилась перед ним на колени и выглянула наружу.

Волшебный свет луны заливал туманные холмы. Сколько хватало глаз, повсюду расстился покров сверкающего снега. Яблони стояли в ледяном панцире. Их блестящие ветки находились буквально на расстоянии вытянутой руки от меня. На крыше сарая лежало толстое снежное покрывало. Утром нужно будет взять лопату и помочь отцу расчистить крышу от снега, иначе стропила прогнутся.

Казалось, все напряженно звенело в прозрачном морозном воздухе, словно слишком туго натянутые струны скрипки. Звезды пели высоким пронзительным тремоло. Вдоль серебристой дуги Млечного Пути лениво плыла вверх Луна. Венера подмигивала Сатурну. Большая Медведица слизывала звездную пыль со своей младшей сестры. Большой Пес опасливо держался в стороне от них.

Как великолепны были они... эти сверкающие небесные светила, которые плыли высоко над нашей крохотной Землей! Как слаженно двигались они, вращались и пели! Казалось, некий Великий Капельмейстер четко отбивает дирижерской палочкой такт, и оркестр вселенной выводит, вызванивает мелодию и ритмично раскачивается под ее звуки. Конечно, за всей этой гармонией, за всем этим стройным порядком и великолепием должна присутствовать Божественная Рука!

Я стояла коленопреклоненная посреди великого белого безмолвия, и чудесная красота мира пленила мой дух. Я легко дрожала посреди сверкающей вселенной, исполненной славы. Дыхание мое застывало кристалликами в морозном воздухе. Внезапно, повинувшись какому-то неосознанному порыву, я простерла руки вперед и, устремив взор в звездную высь, воскликнула:

— О Боже... Если Ты есть... откройся мне!